

раны, нанесенные войной, и этот энтузиазм, этот подъем душевный и физический мы постоянно ощущали, потому и старались, как могли, помогать взрослым. Очень отчетливо помнится, как строили дома для тех, кто их лишился. Летом, между сенокосом и жатвой была короткая передышка, люди собирались всей улицей человек 40 — 50, и за один день поднимался дом, оставалось только сделать внутреннюю отделку. Конечно, строили из того, что было: саманные, деревянные стены, соломенная, камышовая крыша, но это был дом, а не землянка. На Украине такое строительство называлось «толока», не знаю, почему, но нам в детстве казалось оно праздником: множество людей, шутки, песни, спорная работа, в которой и нам хотелось участвовать. И нам разрешалось, к превеликой нашей радости, и воду носить, и подавать кирпичи самана, а самое интересное — месить глину. Забираемся, человек 10 в этот замес и топчемся по ней, маслянистой и мягкой, пока не вымесим до гладкости наподобие теста. Только по прошествии времени понимаешь, что это было воспитание по методу Макаренки, хотя не каждый, наверное, слышал что — нибудь об этой системе.

После такой напряженной работы, уже вечером хозяйка накрыла скромный стол: картошка с огурцами, яйца, если у кого были куры, в изобилии квас из березового сока. Но главное — задушевные песни, разговоры взрослых о жизни, и сознание того, что и мы, малолетки, участвуем в таком большом деле, в строительстве дома. В 60 — 70-е годы вместо этих временок выросли большие кирпичные дома под шиферными и железными крышами, но почему — то кажется, что те, первые, были дороже и теплей.

Легче стало только в 1948 году, а 46-й и 47-й голодные годы вспоминаются целой чередой драматических событий: из — за неурожая хлеб приходилось выпекать с разными добавками, порой не очень — то и съедобными. Отсюда болезни, которые и по прошествии времени дают о себе знать. Спасал огород, лес и река. Тут уж нам, даже пяти — шестилетним хватало дел: ягоды, грибы и орехи из лесу — это входило в нашу повседневную обязанность. Старшие дети в этих походах опекали младших, помогали нести корзинки с «добычей». Я не помню ссор, и, боже упаси, драк между детьми. Ну, а в войну иногда играли. Было две команды: «немцы» и «наши». Понятное дело — «немцами» никто не хотел быть. Приходилось бросать жребий; а воевали «немцы» всегда так, что победа неизменно доставалась «на —

шим». Надо сказать, что на игры времени оставалось не очень много, разве что в воскресенье, но никому и в голову не приходило возмущаться и роптать: все понимали и видели, как нелегко взрослым, и старались всеми силами помогать им.

А в 1948 г. попробовали уже настоящего, ржаного, без примесей хлеба, выпеченного бабушкой в русской печке на капустном листе. Этот ни с чем не сравнимый запах, и вкус помнится до сих пор. Но, как говорится: «Не хлебом единым»... Культурная жизнь села нашего замерла только на период оккупации, а после Победы возродилась с новой силой. Организаторами, как и до войны, были директор нашей школы Гуляк Вера Матвеевна, потерявшая в 43-м в одном месяце мужа и сына на бесконечных дорогах войны, и заведующая клубом Ларина Ольга Григорьевна. Только повзрослев, я поняла — сколько же талантов было среди моих земляков! Вообще, Украина — поющая республика, редкая семья не пела. Мои мама и отчим были солистами хора, а хор в 60-е годы стал лауреатом Всеукраинского конкурса самодеятельных коллективов в Киеве, имеет награды. Состав хора мало изменился к тому времени, а возрождался на моей памяти. Часто репетиции были у нас дома, дом был большой, а клуб после войны отапливался только в дни концертов или демонстрации фильмов. Особо надо сказать о фильмах. Детских сеансов тогда не было, был один показ в неделю, иногда это выпадало на воскресенье, чаще среди недели, но всегда это было праздником. Киномеханик, дядя Володя (а было этому дяде 23 года) с деревяшкой вместо ноги, оставленной где — то в Чехословакии, но такой веселый, ездил со своей «кинопередвижкой» по селам и деревням своего участка. В его распоряжении была лошадка и двуколка летом, а зимой сани. О его появлении каждый раз мы узнавали даже не из афиш, а по звукам популярных в то время, в основном военных лет, песен. Каким образом он при помощи динамиков и патефона умудрялся оглашать чуточку не пол села звуками «Смуглянки», «Синего платочка» — до сих пор не знаю. Но с самого утра мы уже были в предвкушении праздника, и все домашние поручения (конечно согласно тогдашнего возраста) выполнялись быстро и старательно. В семи — восьмилетнем возрасте мы пересмотрели все фильмы, какие только были в распоряжении дяди Володи: «Встреча на Эльбе». «Повесть о настоящем человеке», «В 6 часов вечера после войны» и другие. Фильм шел частями, и сеанс иногда продолжался часов до 2-х ночи, но мы терпе —